

ОБ АВТОРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ «НА СМЕРТЬ К. П. ЧЕРНОВА»

Сообщение А. Г. Цейтлина

Стихотворение «На смерть К. П. Чернова», написанное после гибели члена Северного общества поручика К. П. Чернова на дуэли с флигель-адъютантом Новосильцевым, происшедшей 10 сентября 1825 г. в Петербурге, принадлежит к числу ярчайших произведений русской политической лирики. В лице Чернова поэт воспел не только брата, вступившегося за честь своей сестры, но верного сына родины, героя, самоотверженно боровшегося с пороком. Автор стихотворения выступал от лица передовой русской общественности. В самом начале поэт говорил о пропасти, разделявшей оба стана:

Клянемся честью и Черновым:
Вражда и брань временщикам,
Царсь трепещущим рабам,
Тиранам, нас угнесть готовым.

Поэт не пожалел красок для того, чтобы заклеить лагерь тиранов. Злобе, которую люди этого лагеря питали к «святой Руси», поэт противопоставил жгучую ненависть к ним, живущую в душе русского патриота. Он грозил «любимцам счастья» народной мстью, он предрекал им «смерть, гибель, кровь» за «поруганье» беззащитных. Подлинным апофеозом гражданской добродетели звучали две последние строфы стихотворения, в которых «герой, столь рано охладельный», изображен был как «священный образец» для молодого поколения русской революционной интеллигенции. Стихотворение «На смерть К. П. Чернова» насыщено разнообразными эмоциями, бичующая сатира сочетается в нем с пламенной патетикой. Историко-литературное значение этого произведения чрезвычайно велико: от него идет прямой путь к лермонтовской «Смерти поэта».

Кто же был автором этого замечательного стихотворения? Опубликовано оно было в 1859 г., в пятой книжке сборника «Полярная звезда» Герцена и Огарева, лишь через 34 года после того, как было написано. Редакция сборника приписала стихи перу В. К. Кюхельбекера, ничем, однако, его авторство не обосновывая.

Редактор первого русского легального издания сочинений Рылеева, П. А. Ефремов, еще в 1872 г. выразил сомнение в принадлежности стихов «На смерть К. П. Чернова» Кюхельбекеру. В комментариях к известной заметке Рылеева о дуэли Чернова с Новосильцевым Ефремов писал: «„На смерть Чернова“ есть стихотворение, приписанное в печати В. К. Кюхельбекеру; но в бумагах Ф. Булгарина, находящихся ныне у г. Сосновского, сохранился листок с этими стихами, писанный рукою Рылеева. Перемарки и поправки указывают, что сам Рылеев был автором, а не переписчиком этого стихотворения»¹.

Как мы знаем, вечером 14 декабря 1825 г. Рылеев передал Булгарину на хранение «наиболее ценную часть своего поэтического архива — рукописи запрещенных или извращенных цензурой произведений, последние творческие начинания, вещи, не предназначенные для печати»². В числе рукописей находился и автограф стихотворения «На смерть К. П. Чернова».

В 1870 г. рылеевские автографы из собрания Булгарина были переданы в редакцию журнала «Русская старина», откуда после Великой Октябрьской социалистической революции перешли в Пушкинский дом. Впервые автограф стихов «На смерть К. П. Чернова» был опубликован в 1934 г. Ю. Г. Оксманом в «Полном собрании стихотворений Рылеева», вышедшем под его редакцией. Как отмечал комментатор, самым ранним свидетельством о распространении стихов «На смерть Чернова» (с именем Кюхельбекера, а не Рылеева, что отвечало, конечно, интересам распространителей стихов — членов Северного общества, не склонных привлекать внимание органов надзора к подпольным произведениям своего вождя) является письмо журналиста А. Е. Измайлова от 16 ноября 1825 г. к М. Л. Яковлеву: «Сейчас списал для тебя стихи Кюхельбекера на смерть Чернова. Стишки не так-то хороши, но писаны от всей души» (при письме сохранился и список стихов, отличающийся от текста, опубликованного в «Полярной звезде» на 1859 г. только некоторыми деталями пунктуации). С именем Кюхельбекера стихи эти связывались, возможно, еще и потому, что именно Кюхельбекер пытался их прочесть на могиле Чернова, чему, однако, воспрепятствовал Д. И. Завалишин³.

В комментариях Ю. Г. Оксмана впервые приведены были материалы, проливающие свет на происхождение легенды о принадлежности стихотворения «На смерть Чернова» Кюхельбекеру. Самый же факт авторства Рылеева не возбуждал ни у кого никаких сомнений еще со времени выхода в свет первого русского легального издания сочинений Рылеева, хотя цензурный запрет стихотворения «На смерть Чернова» снят был только в 1893 г. (Сочинения Рылеева в издании М. Н. Мазеева). Никаких попыток оспаривать авторство Рылеева не делали и исследователи творчества Кюхельбекера. Такой знаток биографии и литературного наследия Кюхельбекера, как Ю. Н. Тынянов, редактируя первое советское собрание сочинений поэта-декабриста, отмечал, что над могилой Чернова Кюхельбекер «хотел прочесть революционное стихотворение Рылеева „На смерть К. П. Чернова“ (потом это стихотворение распространялось с подписью Кюхельбекера)»⁴.

Итак, вопрос об авторе стихов «На смерть Чернова» мог считаться окончательно решенным. Однако лет пять назад, в связи с подготовкой новых изданий стихотворений декабристов, вопрос о принадлежности Рылееву стихотворения «На смерть Чернова» подвергся пересмотру. Никаких новых аргументов выдвинуто при этом не было, но тем не менее Н. И. Мордовченко, опираясь на якобы «авторитетное свидетельство А. Е. Измайлова» и на факт появления стихов «На смерть Чернова» с именем Кюхельбекера в «Полярной звезде» на 1859 г., исключил в 1947 г. это произведение из второго издания «Стихотворений К. Рылеева» в малой серии «Библиотека поэта»⁵, а Б. С. Мейлах, комментируя в 1950 г. стихотворение «На смерть Чернова» в антологии «Поэзия декабристов», уже совершенно безоговорочно утверждал, что стихотворение это «только в некоторых изданиях приписывается Рылееву. Однако данные о принадлежности стихотворения Кюхельбекеру являются более убедительными. Известно, что Кюхельбекер пытался читать эти стихи на могиле Чернова. О принадлежности их Кюхельбекеру имеются также указания в письме А. Е. Измайлова к М. Л. Яковлеву от 16 ноября 1825 г.

В бумагах Рылеева сохранился список этого стихотворения, сделанный его рукою. В этом списке первая строфа вычеркнута; мы полагаем, что этот вычерк наиболее политически острой строфы и попытки ее переработки были сделаны в связи с намерением напечатать стихотворение»⁶.

Эти выводы о принадлежности стихов «На смерть Чернова» Кюхельбекеру повторил в 1951 г. и В. Н. Орлов, который в комментариях к антологии «Декабристы» утверждал, что «С 1872 года стихотворение неоднократно приписывалось К. Ф. Рылееву лишь на том основании, что сохранился список этого стихотворения, сделанный рукою Рылеева (с поправкой в одном стихе). Между тем и безоговорочное свидетельство вполне осведомленного современника (А. Е. Измайлова, сообщившего М. Л. Яковлеву 16 ноября 1825 г.: „Сейчас списал для тебя стихи Кюхельбекера на смерть Чернова“), и то обстоятельство, что именно Кюхельбекер пытался прочесть это стихотворение на могиле Чернова (хотя тут же присутствовал и К. Ф. Рылеев), и, наконец, некоторые характерные черты стиля и фразеологии — с очевидностью решают вопрос в пользу авторства Кюхельбекера. Укажем дополнительно, что в „Полярной звезде“ А. И. Герцена и в других зарубежных сборниках нелегальных стихотворений („Русская потаенная литература XIX столетия“, „Собрание стихотворений декабристов“, „Лютня“ и др.) „На смерть Чернова“ печаталось под именем Кюхельбекера»⁷.

Литературоведы, приписывающие «На смерть Чернова» Кюхельбекеру, основывают свои утверждения на следующих доводах:

1) Редакторы всех заграничных изданий считали автором этого произведения Кюхельбекера.

2) Рылеевский автограф стихотворения «На смерть Чернова» долгое время считался только списком, который Рылеев сделал с не дошедшего до нас автографа Кюхельбекера.

3) «Некоторые характерные черты стиля и фразеологии» стихов «На смерть Чернова» якобы с очевидностью решают вопрос в пользу авторства Кюхельбекера.

4) Именно Кюхельбекер (а не Рылеев) пытался прочесть это стихотворение на могиле Чернова.

5) Вполне осведомленные современники свидетельствуют о том, что автором стихотворения был Кюхельбекер.

Рассмотрим каждый из этих аргументов в отдельности.

1) Сообщение о том, что все заграничные издания приписывали стихи «На смерть Чернова» Кюхельбекеру, кажется на первый взгляд очень веским, так как освящает авторство Кюхельбекера авторитетом вольной русской прессы. Однако у нас нет возможности судить о том, какая аргументация имелаась у публикаторов «Полярной звезды». Известно, что «Полярная звезда» очень часто ошибалась в своих атрибуциях. Да и только ли «Полярная звезда»? Что было бы, если бы мы доверились тем подписям, которые давали произведениям русской поэзии, например, сборники «Лютня»? Известно, что в изданиях «Собрание стихотворений декабристов» и «Стихотворения» Пушкина, осуществлявшихся в шестидесятых годах за границей, таким, казалось бы, осведомленным в русской поэзии литератором, как Н. В. Гербель, — было безосновательно приписано Пушкину тридцать стихотворений и эпиграмм, а Рылееву — одно стихотворение В. Ф. Раевского и два стихотворения Н. М. Языкова.

Атрибуции зарубежной русской печати XIX века не могут ни в какой мере быть решающими аргументами, так как они сами нуждаются в научном обосновании.

2) Низведение автографа Рылеева на степень обыкновенного списка выглядит, казалось бы, серьезным доводом. Приходится, однако, пожалеть,

что ни один из тех литературоведов, которые считают автором стихотворения Кюхельбекера, не доказал, что рылеевский автограф «На смерть Чернова», хранящийся в архиве Института русской литературы (ф. № 269, оп. 1, ед. хр. 26), представляет собой *список* чужого произведения. Мы убеждены, что это и не может быть доказано.

Перед нами воспроизведение рылеевского автографа стихотворения. Автограф позволяет утверждать, что это не список, а авторская рабочая рукопись, со свойственными ей отступлениями от обычной орфографии и даже погрешностями. Рылеев нередко пропускает запятые, например между стихами:

И прах твой будет в посмеянье
И гроб твой будет в стыд и срам.

Для автографа Рылеева вполне характерны и описки.

Но всего примечательнее в этом автографе исправления в первой и второй строфах. Автор зачеркнул уже написанное им четверостишие:

Клянемся честью и Черновым:
Вражда и брань временщикам,
Царя трепещущим рабам,
Тиранам, нас угнесть готовым.

В первом стихе второй строфы автором стихотворения зачеркнуты были слова, написанные первоначально: «Не суть отечества сыны», и заменены другим оборотом: «Нет, не отечества сыны», гораздо более, конечно, годившимся для начала.

Итак, здесь перед нами исправления, внесенные в текст. Зачем было Рылееву производить такие перемены, если бы стихи ему не принадлежали? Может быть, он вносил эти поправки в качестве редактора? Б. С. Мейлах именно так объясняет и купюру и поправку в пятом стихе: «...этот вычерк наиболее политически острой строфы и попытки ее переработки были сделаны в связи с намерением напечатать стихотворение».

Довод этот неубедителен: ни сам Рылеев, ни предполагаемый Б. С. Мейлахом автор (то есть Кюхельбекер), ни кто-либо иной ни разу не заявляли о своем намерении напечатать стихотворение памяти Чернова. Такого заявления они и не могли сделать по очень простой причине: даже с изъятием первой, «наиболее политически острой» строфы, стихотворение «На смерть Чернова» все же оставалось совершенно «нецензурным». Ни Бируков, ни какой-либо иной правительственный надсмотрщик над русской словесностью никогда не пропустили бы в печать стихов, в которых аристократы аттестовались, как «питомцы пришлецов презренных», как люди, которые «святую ненавидят Русь». Автор стихотворения мог угрожать Новосильцеву и ему подобным «перунами» народной мести:

Клянемся дочерям и сестрам —
Смерть, гибель, кровь за поруганье! —

но он не мог питать никаких иллюзий относительно того, что эти беспощадные стихи могут быть напечатаны с разрешения русской цензуры конца 1825 г.

3) Утверждая, что автором стихотворения был Кюхельбекер, В. Н. Орлов привлекает для доказательства «некоторые характерные черты стиля и фразеологии». Ему кажется, например, что слова «Ликуй, ты избран русским богом» находятся в органической связи с тем, как Кюхельбекер

употребляет слова «русский бог» в одном письме из-за границы: «русский бог не вотще даровал своему избранному народу его чудесные способности» и т. д.⁸

Выражение «русский бог» кажется В. Н. Орлову типично кюхельбекеровским. Как быть, однако, с агитационно-сатирической песней Рылеева и Бестужева «Ты скажи, говори», в которой

...господь русский бог
Бедным людям помог...

Как быть с думой «Димитрий Донской», в которой Рылеев употребил выражение «русский бог» на два с лишним года ранее, чем автор стихотворения «На смерть Чернова»:

Враги смешались — от кургана
Промчалось: «Силен русский бог!»

Стилистические соображения не могут и не должны быть односторонними. Язык Кюхельбекера и язык Рылеева во многих отношениях сходны, и черты сходства обусловлены принадлежностью обоих поэтов к декабристскому крылу русской литературы. И у Кюхельбекера и у Рылеева найдем мы архаически «затрудненный» синтаксис и иные сходные элементы стиля. Однако стиль Рылеева далеко не во всем совпадает со стилем Кюхельбекера, и как раз эти различия и заставляют нас считать стихотворение «На смерть Чернова» принадлежащим именно Рылееву.

Поэтическому творчеству Рылеева было в высокой степени свойственно обращение к «злобе дня». Поэт не раз избирал объектом изображения современных русских политических деятелей — Аракчеева, Ермолова, Мордвинова, Столыпина и других. Он клеймил позором тиранов, он окружал ореолом идеализации героев:

Пусть в сонме юных исполинов,
На ужас гордых, их узрим
И смело скажем: знайте, им
Отец — Столыпин, дед — Мордвинов.

(«В. Н. Столыпиной»).

Особенно часто Рылеев создавал апофеоз исторического героя, павшего за народ в трудной и неравной борьбе. Именно так погибают герои многих из его дум — Михаил Тверской, Ермак и Сусанин, герой незаконченной поэмы Наливайко. Рылеев всегда стремился связать судьбу своего героя с историей освободительной борьбы. В обоих именных стихотворениях 1825 года — к В. Н. Столыпиной и К. П. Чернову, — апофеоз павшего героя совмещался с резкими сатирическими нападками на «тиранов».

Мы не станем утверждать, что этот патетико-сатирический жанр вовсе не был присущ творчеству Кюхельбекера: таково было хотя бы его стихотворение «Смерть Байрона» (1824). Однако чаще всего Кюхельбекеру не хватало именно той злободневности, которой полно стихотворение «На смерть К. П. Чернова». В 1821 г., когда разнесся слух, будто А. П. Ермолов во главе русских войск выступит на помощь грекам, восставшим против турецкой тирании, оба поэта обратились к русскому генералу с посланиями. Но Кюхельбекер создал статический, абстрактный образ русского «героя»:

Ермолов, нет другого счастья
Для гордых, пламенных сердец,
Как жить в столетиях отдаленных
И славой ослепить потомков изумленных⁹.

Рылеев разработал эту тему конкретнее:

Наперсник Марса и Паллады,
Надежда сограждан, России верный сын,
Ермолов! Поспешь спасать сынов Эллады,
Ты, гений северных дружин!

Послание Рылеева было полно призыва к политическому действию. Оно рисовало воскресение Греции «из праха», второе рождение «древней доблести». Оно создавало картину победоносного восстания угнетенного греческого народа, которое должно произойти тотчас же после вступления Ермолова в пределы Греции.

Как мы видим, экскурсы сторонников «кюхельбекеровской версии» в область языка и стиля не убедительны. В этом плане, как и в других, стихи «На смерть Чернова» оказываются гораздо более близкими Рылееву, нежели Кюхельбекеру.

4) «Кюхельбекеровская версия» не только не подтверждается какими-либо фактами жизни и деятельности Кюхельбекера, но и самым резким образом противоречит им. Нам не известны нелегальные политические памфлеты Кюхельбекера, тогда как Рылеев писал поддельные памфлеты в течение всей литературной деятельности.

В письме к матери Кюхельбекер писал о Чернове, как о защитнике чести сестры, говорил о нем с симпатией, не примешивая, однако, к этому никаких других чувств. Дуэль Чернова с Новосильцевым произошла 10 сентября 1825 г. 19 сентября 1825 г. (то есть через девять дней после дуэли и за неделю до похорон Чернова) Кюхельбекер писал матери о своей комедии «Шекспировы духи»: «...моя маленькая вещь (pièce) прошла цензуру: она была бы уже опубликована, если бы у ее издателя г. Рылеева не был на руках его кузен, бедный молодой Чернов, который был смертельно ранен Новосильцевым, защищая честь своей сестры, которую Новосильцев и его семейство оскорбили самым низким образом».

Кажется невероятным, чтобы всего лишь через неделю — 26 сентября — Кюхельбекер написал памфлет против Новосильцева и ему подобных, настолько в другой тональности кончается его сообщение матери: «Впрочем, да будет мир мертвецам! Новосильцев теперь уже перед своим вечным судьей!»

17 октября Кюхельбекер сообщил матери: «Чернов также умер: вот уже три недели, как его похоронили; похороны были одновременно и величественные и трогательные. Я живу теперь вместе с Одоевским» и т. д.¹⁰

Оба письма противоречат предположению, что «На смерть К. П. Чернова» было действительно написано Кюхельбекером. Мог ли Кюхельбекер, воскликнувший «да будет мир мертвецам!», веривший, что Новосильцев будет прощен «вечным судьей», написать гневный памфлет?

Во время следствия Кюхельбекер утверждал: «ни одного из всех известных и неизвестных правительству пасквилей не признаю своим»¹¹. Как известно, показания Кюхельбекера на следствии исключительны по своему наивному чистосердечию и откровенности. Заявление это еще более ослабляет позиции тех, кто считает стихотворение «На смерть Чернова» принадлежащим перу Кюхельбекера.

Реакция Кюхельбекера на смерть Чернова резко отличается от реакции Рылеева. С Черновым Рылеев был связан разного рода узами — родственными, дружескими, но прежде всего общей принадлежностью к Тайному обществу; об их близости до нас дошли вполне определенные свидетельства Михаила и Александра Бестужевых, да и сам Рылеев говорил на следствии о том же¹².

Глубоко возмущенный оскорбительным поведением Новосильцева, Рылеев, конечно, сам предложил Чернову быть его секундантом и

принимал деятельное участие во всех перипетиях дуэли. Он написал даже объяснительную записку петербургскому генерал-губернатору о смерти своего друга. Не может быть сомнения в том, что Рылеев присутствовал и при самой кончине Чернова. Он, разумеется, знал о предсмертном письме Чернова (написанном рукою Александра Бестужева), в котором Чернов, между прочим, говорил: «Бог волен в жизни; но дело чести, на которое теперь отправляюсь, по всей вероятности, обещает мне смерть». В конце рылеевской объяснительной записки говорилось о «пустейшем» семействе Новосильцевых, преступившем «все законы чести общества и человечества»¹³. Не отразились ли эти неоднократные упоминания Чернова о «честьи» на стихотворении, в котором понятие «честьи» так неразрывно сплеталось с самым именем павшего героя:

Клянуся честию и Черновым...
Ты чести будешь нам залогом...

Но если Рылеев был автором стихов «На смерть К. П. Чернова», то почему же он сам не прочел их над могилой своего друга? Ответить на этот вопрос не легко, поскольку у нас нет прямого свидетельства поэта. Однако могут быть выдвинуты убедительные соображения в объяснение этого факта.

Уже по одному тому, что Рылеев был руководителем Тайного общества, он никак не мог выступать с чтением стихов у могилы Чернова по соображениям самой элементарной конспирации. Положение секунданта убитого поэта обязывало Рылеева, конечно, к соблюдению внешнего спокойствия. Но этого мало. Рылеев был связан с Черновым и родственными узами — мать Чернова приходилась сестрой матери Рылеева, Анастасии Матвеевне, урожденной Эссен¹⁴. Это обстоятельство было хорошо известно, например, Е. П. Оболенскому, говорившему об «узах родства», связывавших участника дуэли и его секунданта. В своей совокупности эти три причины были чрезвычайно существенными и вполне могли помешать Рылееву выступить на кладбище с чтением стихов, призывавших к мести.

Естественно было поручить их чтение другому. Кюхельбекер был тоже поэтом, он был «молод и свеж»¹⁵, то есть отважен, и кроме того, он не был еще членом Тайного общества (в которое вступил лишь в ноябре 1825 г.), хотя уже готов был войти в его состав. В этих условиях естественно было поручить чтение стихотворения Кюхельбекеру.

5) Нам остается рассмотреть свидетельства современников, говорящие о том, что автором стихотворения был Кюхельбекер. Этих современников было двое — Д. И. Завалишин и А. Е. Измайлов. Ни того, ни другого нельзя, однако, считать свидетелем осведомленным и беспристрастным.

Начнем с Завалишина. «Бойкая особа, но с чересчур заносчивым выражением», — так аттестовал его в своих показаниях А. А. Бестужев. Если верить Завалишину, Кюхельбекер намерен был «весьма резкие стихи» «На смерть Чернова» продекламировать над могилою Чернова, но «так как не в видах тогдашнего Тайного общества было возбуждать какую-либо рознь ни между сословиями <...>, ни между национальностями, то решено было воспротивиться какой бы то ни было демонстрации против аристократии». Завалишин со всеми подробностями рассказал, что Кюхельбекер отдан был под специальный надзор ему самому и он-то, Завалишин, и помешал Кюхельбекеру явиться на кладбище своевременно и «пробиться к могиле Чернова через плотную сомкнутую толпу»¹⁶.

Не будем говорить о том, что многие из приведенных выше утверждений Завалишина находятся в самом резком противоречии с фактами. Известно, что декабристы изобличали так называемых «русских немцев» и не боялись возбуждения розни «между сословиями». Рассказ Завалишина о том, как ему удалось взять Кюхельбекера в свои руки, окрашен

обычным для Завалишина хвастовством. Кюхельбекер, утверждал Завалишин, будто бы «всегда был расположен послушать его (Завалишина), скорее, чем другого!»

В своих воспоминаниях Д. И. Завалишин утверждал: «Вся его тема для исповеди Наливайки дана была мною, а Рылеев только переложил ее в стихи в моем присутствии и с моими поправками»¹⁷. Тенденции Завалишина изобразить себя задним числом центральной фигурой декабристского движения хорошо известны и способны вызвать только недоверие к его мемуарным свидетельствам.

Рассказ Завалишина, однако, примечателен одной деталью. Стихотворение, которое, по его свидетельству, Кюхельбекер намерен был прочесть на могиле Чернова, начиналось словами «Не суть отечества сыны» — то есть второй строфой известного нам текста стихотворения «На смерть Чернова». Как уже указывалось, первая строфа в автографе была зачеркнута, а в первый стих вместо «Не суть отечества сыны» чьей-то рукой была внесена поправка, в результате которой стих читался так: «Нет, не отечества сыны». Сходство между автографом и тем текстом, который цитирует Завалишин, слишком разительно, чтобы можно было обойти его. Вспомним, что стихотворение, которое Кюхельбекер должен был прочитать на могиле Чернова, начиналось стихом «Не суть отечества сыны», иначе говоря, это было стихотворение, написанное рукой Рылеева! Оно еще не было подвергнуто правке в указанном стихе, но уже было лишено первой, наиболее резкой в политическом отношении строфы.

Кто произвел обе поправки в автографе, мы не знаем. Возможно, что сделал это предполагавшийся чтец стихотворения, то есть Кюхельбекер. Вернее, однако, что поправки эти — и устранение первой строфы и исправление пятого стиха, — сделал сам Рылеев, передавая стихи Кюхельбекеру для изготовления списка, по которому стихотворение и должно было быть прочтено на могиле Чернова.

Именно в этом и заключается «рациональное зерно» свидетельства Д. И. Завалишина. Рассказ о том, как он удерживал Кюхельбекера от чтения стихов, небезинтересен, однако из него ни в коем случае нельзя делать вывода, что Кюхельбекер собирался прочесть на могиле Чернова собственное стихотворение, а не стихотворение, врученное ему Рылеевым.

Перейдем ко второму «свидетелю» — А. Е. Измайлову, письмо которого в глазах Б. С. Мейлаха и В. Н. Орлова приобретает особую авторитетность. Вечером в 9 часов 16 ноября 1825 г. А. Е. Измайлов писал М. Л. Яковлеву: «Знаешь ли где я теперь? В кабинете Я. К. Кайданова. Сейчас списал для тебя стихи Кюхельбекера на смерть Чернова. Стишки не так-то хороши, но писаны от <зачеркнуто: сердца> всей души»¹⁸.

Со дня похорон Чернова прошло свыше полутора месяцев. Молва за это время успела связать стихи с именем Кюхельбекера и, конечно, Рылееву и его единомышленникам незачем было опровергать эту молву. Какими, однако, данными располагал А. Е. Измайлов? По всей вероятности, никакими. Он не был близок ни с Кюхельбекером, ни с Рылеевым, а самое стихотворение получил от своего знакомого — Я. К. Кайданова.

В. Н. Орлов считает Измайлова «вполне осведомленным» свидетелем, для чего, однако, нет совершенно никаких оснований. Известно, что в глазах декабристов Измайлов, «чуждак», который «ходит в каждый кабак даром», был фигурой, не заслуживающей никакого доверия. Его сторонились и как литературного врага и как политического противника. Информирова М. Л. Яковлева в письме от 29 сентября 1825 г. о похоронах Чернова, Измайлов не знает точно даже дня этих похорон и утверждает, вопреки фактам, что вторым секундantom Чернова был А. А. Бестужев. О том, как мало осведомлен был Измайлов о творчестве декабристов,

свидетельствует уже тот факт, что он приписал Пушкину эпиграмму на Жуковского, в действительности написанную А. А. Бестужевым¹⁹.

Можно ли квалифицировать такого человека как «авторитетного» или «вполне осведомленного» свидетеля? Ничем не связанный с семьей Рылеева, Измайлов распространял после казни декабристов нелепый слух о том, будто Николай I на следующий же день после ареста Рылеева «четыре раза <!> присылал <...> к несчастнейшей вдове Рылеева чиновника, которому сам дал нужные по сему случаю наставления»²⁰.

Нам пришлось подробно остановиться на всей аргументации тех, кто считает Кюхельбекера автором стихов «На смерть Чернова»: слишком уж велика роль этого стихотворения в развитии декабристской поэзии. Мы считаем, что ни один из аргументов, выставленных Б. С. Мейлахом и В. Н. Орловым, не выдерживает критики. Автором траурного стихотворения «На смерть К. П. Чернова» следует попрежнему считать Рылеева²¹.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Сочинения и переписка К. Ф. Рылеева. Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1872, стр. 348; изд. 2-е. СПб., 1874, стр. 315.

² Рылеев. Стих., стр. V.

³ Д. И. Завалишин. Поправки и заметки. — «Древняя и новая Россия», 1878, № 1, стр. 364; ср. Рылеев. Стих., стр. 394.

⁴ Ю. Н. Тынянов. В. К. Кюхельбекер. Вступ. статья в изд.: Кюхельбекер, т. I, стр. XLII.

⁵ К. Ф. Рылеев. Стихотворения. Вступ. статья, ред. и прим. Н. И. Мордовченко. Л., 1947, стр. 279—280.

⁶ Поэзия декабристов. Под ред. Б. С. Мейлаха. Л., 1950, стр. 812—813.

⁷ Декабристы. Поэзия. Драматургия. Проза. Публицистика. Литературная критика. Составил Вл. Орлов. М.—Л., 1951, стр. 622.

⁸ Там же.

⁹ Кюхельбекер, т. I, стр. 59.

¹⁰ Цит. по указ. статье Ю. Н. Тынянова — Кюхельбекер, т. I, стр. XLI—XLII.

¹¹ ВД, т. II, стр. 157.

¹² О принадлежности Чернова к Северному обществу говорит и официальный «Алфавит декабристов», стр. 203.

¹³ «Бумаги о поединке Новосильцева с Черновым. Предсмертная заметка Чернова». — Сб. «Деятельный век», кн. I. М., 1872, стр. 333—334.

¹⁴ См. примечание П. И. Бартенева к предсмертной заметке К. П. Чернова. — Там же, стр. 333.

¹⁵ Эта характеристика Кюхельбекера дана Рылеевым в его письме к Пушкину от апреля 1825 г. — Рылеев. Соч., стр. 494.

¹⁶ Д. И. Завалишин. Поправки и заметки. — «Древняя и новая Россия», 1878, № 1, стр. 364.

¹⁷ Завалишин, стр. 167.

¹⁸ Цит. по подлиннику, хранящемуся в ИРЛИ. Письмо датировано 16 июля 1825 г., но явная ошибка автора: оно содержит подробности о женитьбе Дельвига, состоявшейся 30 октября 1825 г.

¹⁹ Бестужевы, стр. 54 и 697. — См. об этом также сообщение М. К. Константинова в настоящем томе, стр. 535—536.

²⁰ Цит. по подлинникам писем А. Е. Измайлова к М. Л. Яковлеву (ИРЛИ).

²¹ Статья эта уже была написана, когда в журнале «Советская книга» (1952, № 8, стр. 97—101) появилась рецензия И. В. Пороха на антологию «Декабристы». Полемизируя с В. Н. Орловым, в частности — по вопросу об авторе стихов «На смерть Чернова», И. В. Порох, по нашему мнению, правильно предположил, что в «Полярной звезде» на 1859 г. был опубликован список А. Е. Измайлова и что отсюда и начала свое существование «кюхельбекеровская версия».